

УДК УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/11/2

ЗАДАЧА И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ (часть главы из «Истории Древней Руси. Т. I. Территория и население» (Варшава, 1896))

И.П. Филевич

Резюме

В первой части данной главы монографии «История Древней Руси» известный русский историк И.П. Филевич описывает вклад российских и зарубежных историков в изучение истории Карпатской Руси.

Он упоминает работы П.И. Кеппена, Н.И. Надеждина, Ю.И. Венелина, А.А. Куника, И.И. Срезневского, В.И. Ламанского, Д.И. Зубрицкого, А.С. Петрушевича, А.А. Кочубинского, И.Л. Пича и др.

Произведя обзор трудов по истории Карпатской Руси, Филевич делает вывод, что этот вопрос поднят давно, он «возбуждался несомненным фактом существования с древнейших времен славяно-русского племени на Карпатах и за Карпатами», этот факт не подлежал сомнению среди ученых прошлых лет.

Задачей своего исследования ученый сделал «посильное восполнение чувствительного в нашей исторической науке пробела» – изучение территории Карпатской Руси, ее этнографического состава, связей с остальным русским миром и «ее отношений к славянскому роду»

Ключевые слова: русины, Карпатская Русь, Трансильвания, Австро-Венгрия.

THE OBJECTIVE AND METHOD OF RESEARCH (part of the chapter from Istoriya Drevney Rusi [History of Ancient Rus]. Vol. 1. Territoriya i naselenie [Territory and Population]. (Warsaw, 1896))

I.P. Filevich

Abstract

In this chapter of his monograph "History of Ancient Rus", Ivan Filevich, a famous Russian historian, describes the contribution of Russian and foreign historians to the study of the history of Carpathian Rus'.

He mentions works by P.I. Keppen, N.I. Nadezhdin, Yu.I. Venelin, A.A. Kunik, I.I. Sreznevskiy, V.I. Lamanskiy, D.I. Zubritskiy, A.S. Petrushevich, A.A. Kochubinskiy, I.L. Pich, and others.

Having studied works on the history of Carpathian Rus', he concludes that this topic was raised a long time ago, and the fact that "the Slavic-Russian tribe has existed in the Carpathians and beyond the Carpathians since the ancient times" has been proved by the researchers.

Filevich saw the objective of his own research in a "feasible filling of a gap sensitive in our historical science", in the study of the territory of Carpathian Rus', its ethnographic composition, ties with the rest of the Russian world and its relationship to the Slavic family.

Keywords: Rusins, Carpathian Rus, Transylvania, Austria-Hungary.

Вопрос о русском имени и о русском племени на Карпатах имеет в науке свою историю. Одновременно с формулировкой нормализма у нас угорские ученые утверждали старобытность русского племени в пределах нынешней Угрии как на Карпатах, так и за Карпатами. М. Бел и А. Сирмай не питали никаких сомнений насчет старобытности русского племени в нынешней так наз. Угорской Руси, считали ее жителей остатками древнейших обитателей страны. И Бел, и Сирмай выражаются на ученом языке своего времени, и потому сарматы и роксоланы играют у них в данном случае главную роль. Но для нас важны взгляды этих ученых, отражавшие, очевидно, мнение, установившееся в жизни и не противоречившее тогдашней науке¹. Но старые угорские писатели, современники начал нашего

¹ Вот что говорит Сирмай в описании Угорского комитата: «*Invaluerunt iterum (после Гепидов) partim Sarmatae, partim Russi, quos Hunni atque Avari in deditionem acceptos tenuerunt intemeratos... Hodie Hungari potissimum, post hos Russi et Valachi regione potiuntur. Singulis nationibus sui sunt mores institutaque... Rutheni quidem Roxolanorum seu Russorum sunt reliquiae, sed Valachos recentiori actate a principibus Transylvaniae, quum istis partibus Hungariae imperitabant huc deductos et in tribus vicis Batares, Sosujfalu, Nagy et Kis Gereze collocatos accepimus*». *Miscellanea ad historiam etus Ugotsensis*, Пештск. муз. fol. lat. Nr. 308. То же Бел: «*Colunt regionem Hungari... qui vero ii fuerint, quos sedibus his vel ejecere vel misère sub iugum difficile est ad idagandum, но затем склоняется к мысли, что это был сарматский род, покоренный гуннами, затем мадьярами и оставшийся на своих местах, преимущественно в горах, sicuti id ex Sarmatarum et Ruthenorum heic adhuc colentium reliquiis liquido colligas, quippe qui et linguae dialecto et moribus a genuinis Slavis multum discreti, sarmaticam produnt originem non alio commodius, quam ad primos regionis incolas referendam*». *Descriptio histor-geogr. inclyti ctus Aba-Vyvariensis*; Пештск.

норманизма, отметили старобытность русских не только в пределах нынешней Угорской Руси, а сообщили драгоценные намеки и относительно русских в Трансильвании. Особенного внимания заслуживают в этом случае показания И. Бенке. Он различает древних русов (*veteres Russi*) в селах Orosz-falu, Orosz-faja, Orosz-hegy и русов, или рутенов сел Бонгарда, Рейсдорфлейна и обоих Чергедов, переселившихся, по мнению Бенке, в *Russia Alba* (впрочем, по другому месту – в *Servia*) в VIII веке. Относительно первых прибавлено важное замечание, что они переродились частью в мадьяр, частью в волохов².

муз. fol. lat. Nr. 268.

Не мешает заметить, что некоторые труды обоих этих ученых могут иметь интерес и ныне. Географическо-статистические и вместе этнографические описания отдельных комитатов составлялись для них людьми местными и, как видно, близко знакомыми с предметом. Таково, напр., описание Бережского комитата, составленное для Бела Христином Лауренциком, настоятелем мукачевской церкви, и проверенное библиотекарем И. Бенциком, тоже, вероятно, местным человеком. Пештск. муз., fol. lat. Nr. 3377.

Таково же описание Землинского комитата, составленное в 1732 г., но не изданное и переписанное с автографа для Сирмая в 1793, особенно богатое живыми подробностями о быте и нравах русских жителей этого комитата. Пештск. муз., fol. lat. Nr. 274.

Иногда в этих описаниях попадают славянские названия мест, хотя вообще Бел сильно мадьяризовал славянские формы. Особенно к русским Бел относился с полным презрением: «*Atrox et ignobile genus... Suppar sed utilior tamen istis Zingarorum est natio*», – говорит он в описании Саболчского комитата. Пештск. муз., fol. lat. Nr. 3371. То же и Сирмай: «*Rutheni ruditatis habent plurimum*».

² I. Benko, *Transilvania, pars generalis*, Vindob. 1777. стр. 497, 590. В оставшейся ненапечатанной «*Transilvania pars specialis*» Б. сообщает, что на местах, занятых секлерами, жили прежде Bissenі или Bicenі, которых он отождествляет с русскими, прибавляя: *magnas autem et numerosas Bissenorum seu Ruthenorum in Ungaria Transilvania fuisse hac tempestate* (в древнейшую пору) *colonias extra controversiam est. Ex quibus tamen pauciores longe in Transilvaniam, quam Ungariam coloniae profectae fuerint, cum illic ita in Ungaros et Siculos transformati sint, ut ne vestigium quidem eorum nisi in chartis invenias*. Эти биссены были первоначально свободны, впоследствии были закрепощены.

В отождествлении бисенов и рутенов Бенке следовал главным образом за P. Ivan Szegedi; *Synopsis vitae Belae IV*. Такое же мнение высказывал и Эдер, предоставляя, впрочем, обоснование его будущему: *fuerintne Rutheni Bissenorum posterі et quae sunt eius modi abstrussae vetustatis erotemata, aliis expedienda relinquo*. По поводу этих слов Эдера проф. Кочубинский замечает: «Мы не будем говорить о невозможности, как будто допускаемой

В таком положении находился вопрос о русском племени за Карпатами в угорской науке прошлого века.

В 1802 г. появилось в Цыбине сочинение С. Вольфа «*De vestigiis Ruthenorum in Transilvania*», причем нельзя не отметить характерного совпадения: оно напечатано в один год с шлецеровой кодификацией Нестора.

Дальше этого случайного совпадения общность, впрочем, не простирается. Труд Шлецера составил эпоху, брошюрка Вольфа не удовлетворила даже рецензента «Зибенбюргских провинциальных листов», где за 1807 г. помещена была следующая краткая ее оценка. Автору (Вольфу) не удалось осветить существования приблизительно 200 семей трансильванских русских за недостатком исторического материала. Он не приложил никакого искусства, чтобы сделать этот недостаток менее чувствительным, отметив лишь наличность русских и их черты, но так как последние уже не отличаются оригинальностью, то и брошюра не имеет интереса³.

Со своей точки зрения рецензент совершенно прав; тем более что имел возможность упрекнуть автора в не особенно внимательном изучении предмета, ибо даже число русского населения в 4 селах (Рейсдорфлейн, Великий и Малый Чергед и Бонгард) Вольф

Эдером связи между "русскими" и "бисенами", т. е. печенегами, но весьма можно говорить о связи имен обоих народов в трансильванских грамотах с самого старого времени», и затем по поводу жалованной грамоты Андрея немецким колонистам Трансильвании в 1224, *Deutsch u. Firnhaber*, Urkb., Nr. 28, где упоминаются вместе *Blaci et Bissen*, проф. Кочубинский полагает, что «под этими "Bissen" только и можно понимать "Rutheni"». Такую же терминологию он допускает и в грамоте 1324, где упоминается о самовольном закреплении владельцами Шарош-Потока нескольких свободных семей «*Bissenorum*». *Hurmuzaki*, Documente, 587. То же *Szabo Karoly*, *Szekely okleveltar* I, Nr. 29 и 30. Это логическое предположение проф. Кочубинского (Дунайское Залесье, 63) блистательно подтвердилось. В Пештском архиве Минист. внутр. дел имеется подлинник второй грамоты, Nr. 30612, где действительно *Rutheni*, а не *Bissen*. Таким образом, связь этих имен подтверждается документально. Упомянутый подлинник грамоты 1324 г. любезно указал мне секретарь архива г. Тагани.

Рукописью Бенке «*Transilvania, pars specialis*» я пользовался в музее бар. Брукенталя в Цыбине. Это прекрасный экземпляр! Имеется также и в библиотеке Jos. Fr. Trautsch в Брашове (Кронштадт). Указывая на это в дополнение к сообщению проф. Кочубинского, Дун. Зал. 60 пр. I. Поиски за рукописью Влад. Бало, на которую указывает Бенке как на главный источник сведений о русских в Трансильвании, должны бы еще продолжаться. См. мой «Отчет о заграничной командировке летом 1895 г.». Там же копия с подлинника грамоты 1324 г.

³ *Siebenb. Provinziälblätter*, 1807, II, 174.

определил неверно – в 130 душ, тогда как рецензент, по собственным наблюдениям, определяет это число в 200 душ.

Для нас, однако, брошюра Вольфа имеет немалый интерес. В литературной истории вопроса она представляет, во-первых, напоминание о русском имени за Карпатами в важный момент научных исследований о начале Руси. Во-вторых, она представляет наиболее полное описание состояния трансильванских русских в начале нынешнего века. Вот почему мы считаем нелишним привести главные сообщения Вольфа. Русские четырех исторических сел находились в то время в состоянии этнографического перерождения, причем это состояние в двух селах – Бонгарде и в Великом Чергеде – достигло уже последней стадии: жители их удержали «только имя, унаследованное от предков», в остальном же они вполне оволошлись. В двух других селах еще продолжалась борьба, но исход ее был, очевидно, предрешен: в Рутении (Reusssdorflein) победа склонялась на сторону немцев. Женщины там уже ничем, по крайней мере, по костюму, не отличались от саксонок, мужчины – очень мало; в Малом Чергеде победа склонялась на сторону волохов, причем в последнем случае решительное влияние имели предания о старой вере, служившие и в Рутении главной помехой к слиянию с немцами, ибо даже наиболее онемеченные русские в Рутении чтили православные праздники⁴.

Неизвестно, сохранились ли какие-нибудь предания о старой вере, но есть указания на прямые насилия в религиозном и национальном отношении⁵.

⁴ Publica quidem sua sacra ad ritus ecclesiae cui nunc se addicunt instituunt, studium vero et favor eorum in avitae ecclesiae, scilicet graeci ritus instituta, inde quoque palim est, quod non modo ea in exercendis sacris patrum utuntur lingua quam nunc adhuc huius religionis plurimi in Transylvania habent vernaculam, sed etiam potissimos veteris ecclesiae Graecorum dies festos celebrandos officii esse censeant; de qua opinione melius edoceri, quamquam saepissime tentatum sit, repudiant. Ex hoc Ruthenorum in Religionem, quam olim exercebant favore, cuiusque vestigia jam nunc etiam animis eorum vigent omnem degenerationem in Valachos, religione olim ae indole sibi proximos repetendam, eamque non aliter, nisi haec graecae religionis praedilectio penitus exstirpetur, coercendam esse censemus. § 6.

⁵ Foret hic oportunissimus etiam locus dissertationis de transmutatione Ruthenorum in Christianos, nisi et in his scrutandis inopia omnis historici argumenti impediremur, quae enim inter eos hanc ecclesiae mutationem explicans versatur traditio, eos nempe necessitate coactos puriori se addixisse dogmati, omnem excedit fidem, quare circa tempora reformationis in Transylvania novae doctrinae veritates eorum quoque animos aliqua ex parte incensisse verisimillimum habetur. § 8.

Это обстоятельство получает особенно важное значение ввиду отмеченной Вольфом ненависти русских к валахам. Она поражала Вольфа и как несомненный факт отмечена им в жителях Рутении, а как предание – в жителях Малого Чергеда⁶. Эти немногие строки как нельзя ярче рисуют положение последних русских в Трансильвании⁷ и сообщают брошюре Вольфа немалый, с нашей точки зрения, интерес. Указав, наконец, что следы древнего языка русских хотя и не сохранились на письме, но удержались еще в устах стариков, Вольф сообщает 27 отдельных слов, счет и 8 фраз⁸.

Все отмеченные указания на русский элемент в Карпатах и за Карпатами остались неизвестными русской науке⁹, усердно продол-

О мерах к уничтожению славянского языка в Мал. Чергеде см. Амлахер, *Dac. Slaven*, 267. Живые предания об этом, слышанные мною от м. чергедского пастора И. Андеси, а равно о бонгардской записи см. мой «Отчет 1895 г.» Замечание Вольфа о «невероятности» насилий звучит поэту очень странно.

⁶ *Gente vero valachica commisceri Valacho aut Valachae nubere nefas sibi videtur, qua opinione eo usque ducuntur ut nec facile Valachorum quenquam penes se patiantur, nisi certum aliquem eorum numerum munera pastorum pecoris fungentem, in quem autem vix aliud praeter huic muneri proprium extendunt commune emolumentum. Haec Rutheniensium a gente Vallachica alienatio, ac in populum aversatio, quem ceterum lingua quoti diana, multisque aliis sequuntur, eo magis miranda, quod huic plus quam saxonibus, quorum connubium et consortium non repudiant, favere videantur; nihilominus tamen nationis suae socium, flagitii ut credunt huiusce reum, odio persequantur, et gravissime aversentur.* § 3.

Ferunt quidem et Ruthenos Csergedino minore degentes, exemplum sequi Rutheniensium, eodemque consilio, ut se puros, incorruptosque quantum possint servant, omnem impedire cum alienis consagvinitatem arctiusque consortium. Quem autem conditio rerum, inopia et servitus animi consilia rudiorum evertat, ea aboleat, eosque leves torpidosque reddat, plurima in Csergedinensibus hoc fato pressis habebis exempla haec eorum consilia offendunt. § 4. О латыни Вольфа неодобительно отзывается и упомянутый его рецензент.

⁷ *Miranda sane haec in Ruthenis libido et vituperanda mentis est pertinacia: religioni addicti sunt nostrae praecepta huius religionis plurimum nostra iis traduntur lingua, nostratibus se commitunt pastoribus, rectoribus, linguam callent nostram, nec tamen in communi consortio sermonem sequuntur gentis, quam quidem olim indole et religione aequabant, nunc tamen omnibus superant, et eius contra populi linguam repudiant, cuius instituta inde a temporibus reformationis venerari videntur.* § 10.

⁸ Подробности в моем «Отчете о заграничной командировке».

⁹ У Погодина в «Обзоре мнений о Руси», Исследов. II, об этом нет ни слова.

жавшей скитания по отдаленному европейскому северу, северо- и юго-востоку.

С 20-х годов вопрос о Карпатской Руси проникает и в нашу науку, на первый раз случайно и, по-видимому, мимолетно, но в действительности уже не сходит с ее страниц. Развитие этого вопроса в нашей науке весьма интересно, и потому нелишним будет отметить главнейшие моменты. Такое рассмотрение во многом поможет уяснению объема и характера самого вопроса, а, следовательно, и предстоящей нам задачи.

Впервые на него наткнулся П.И. Кеппен, попавший случайно в 1822 году в дунайское Залесье и нашедший там горсточку каких-то славян. «Он занялся даже ими, но затем забыл, хотя и отметил их в своем историческом плане ученого славянского путешествия, появившемся в “Библиографических листах”. Когда же через 20 лет подневольный житель Одессы Н.И. Надеждин повторил путешествие Кеппена в Трансильванию (сведомый о его плане) и стал разыскивать тех славян, ему указали лишь одни свежие славянские могилы»¹⁰.

Таким образом, научное преемство мысли о Карпатской Руси устанавливается, несомненно, от Кеппена к Надеждину. Но в этой цепи недостает еще одного звена – Венелина, который в Москве был представителем Карпатской Руси во плоти и был, по-видимому, в близких сношениях с Надеждиным¹¹.

Нельзя допустить, чтобы угрорус не рассказывал Надеждину о своей родине, как равно нельзя допустить, чтобы Надеждин не интересовался этими рассказами. Быть может, Надеждину была даже известна венелинская рукопись об Угорской Руси. Вероятно, в ней было кое-что заслуживающее внимания, если, даже на взгляд акад. Куника, замечания Венелина об Угорской Руси представляют «единственное сносное из всех его писаний», а известно, что некоторые из этих писаний возбуждали интерес. Мы склонны приписать знаменитому Гуце (такова действительная фамилия Ю.И. Венелина) некоторую долю влияния в том, что славянские могилы в Трансильвании не оказались для Надеждина немymi.

25 марта 1839 умер в Москве представитель Карпатской Руси; к 40-м годам относятся блестящие статьи Н.И. Надеждина по вопросу о началах русского имени и русского племени и о значении Карпат в этих отношениях. В торжественном заседании Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 г. На-

¹⁰ А. Кочубинский, Дунайское Залесье, 48.

¹¹ К Надеждину – первому – отправился Венелин из университета по получении аттестата. Древн. и нын. словене. Биография Венелина, стр. 49.

деждин произнес речь, в которой указал предстоящие обществу научные задачи: «изучать Новороссию не только в мертвых и немых ее остатках, которыми усыпана поверхность, упитаны недра наших степей, но и в дышащих, говорящих памятниках национальности народов, жизнью которых наполнялись некогда эти степи»¹².

Немалая роль, по мнению Надеждина, принадлежала здесь с отдаленной древности и русскому племени. Надеждин вкратце проследил эту роль, развернув перед слушателями картину, исторически обоснованный фон которой – IX в. – теряется «в сером мраке, окружающем колыбель первоначального заселения Европы». Обозрев громадное пространство «от гирл Дуная до устья Риона, от хребта Балканского до хребта Кавказского», Надеждин закончил указанием на особенно важное значение Дуная в исторической жизни нашего племени. Через два года, вернувшись из путешествия по славянским землям, Надеждин прочитал в торжественном заседании того же общества (22 марта 1842) свой отчет о путешествии. Здесь он открывал русской науке новый мир славянского юга, связанный с русским югом неразрывными историческими связями с древнейших времен, но, «к сожалению, до сих пор у нас, русских, не только совсем неизвестный, но даже считавшийся как бы недостойным известности»¹³.

В том же году напечатана была в Журн. Мин. нар. просв. представленная Надеждиным «Записка» о путешествии по славянским

¹² Торжеств, заседание. Одесса 1840, стр. 34.

¹³ «Не столько варварство, до последних времен затруднявшее к ним (югослав. землям) доступ исследователям, сколько несчастное предубеждение отвратило от них всякую внимательность, всякое любопытство. С самого рождения у нас исторической критики она приняла у нас исключительное одностороннее направление на север, махнув рукой на юг, обратившись к нему решительно тылом. Наши изыскатели древностей как будто приколдованы к Балтике, к одной Балтике: кружатся вокруг нее в туманах Финляндии и Скандинавии и много-много если иногда отваживаются нисходить до болот и лесов Северной Германии. Там ищут они главного ключа к разрешению тайн нашей отечественной старины. Конечно, нельзя было заткнуть уши от раздающихся с юга голосов византийцев: их приняли в материал, необходимый для древней истории народа русского и земли русской. В последние времена сделана уступка еще значительнее: наши ориенталисты, которых ученость и деятельность мы имеем полное право гордиться, начали собирать жатву для отечественной истории еще южнее, у арабов. Но как в том, так и в другом случае пристрастие к северу все еще остается преобладающим; показания и арабов, и византийцев непременно должны ложиться на прокрустово ложе саг скандинавских и с ними выравниваться волею или неволею». Отчет, 528.

землям, где с силой полного убеждения была высказана мысль, что начала нашей исторической жизни связаны с Карпатами и Дунаем¹⁴.

По переезде в Петербург Надеждин принял деятельное участие в трудах Русского географического общества. Имя его не обозначено в числе учредителей только потому, что при открытии его Надеждина не было в Петербурге¹⁵.

В первом годовом собрании нового ученого общества 22 ноября 1846 г. Надеждин читал речь «Об этнографическом изучении народности русской»¹⁶.

И здесь, как и в Одессе, выпала ему счастливая роль указывать задачи, намечать пути для работ общества. Надеждин с необыкновенной яркостью представил современную картину русского мира на Каратах и, ввиду существования Руси вне России, поставил новому ученому обществу высокую задачу полного и всестороннего изучения того, «что делает Россию Россией», т. е. народности русской. Задача эта, по мысли Надеждина, могла быть достигнута только полным и всесторонним изучением всего русского мира внутри и за пределами русского государства, в последнем случае – по преимуществу Руси Карпатской.

Указанные статьи Надеждина не были исследованиями в строгом смысле слова. *Non docendi magis quam admonendi gratia scripta* – можно бы сказать про них, но, несомненно, что вместе с другими его работами они должны были придать особенное значение его заявлению о роли Карпато-Дунайской территории в истории русского племени. К уразумению этой роли Надеждин, как увидим ниже, был подготовлен как никто другой.

Но голос Надеждина не оказал на развитие вопроса в нашей науке никакого влияния. Почему? Мы вряд ли ошибемся, если причину этого укажем в одновременном появлении куниковых «Родзов»¹⁷. Акад. Куник не обошел Карпатской Руси. Факт существования русского имени и русского племени в той части, которая, по-видимому, с древнейшего времени была отрезана от русского корня, налагал на исследователя непрременную обязанность осветить этот факт. Взгляд Куника состоит в немногих словах в следующем. Возможно, что Карпаты были прародиной славян; возможно, что до нашей эры они жили и в Паннонии, но невозможно определить их наречие и всего менее можно допустить, что в Паннонии жила восточ-

¹⁴ ЖМНП. 1842, ч. 34.

¹⁵ А. Цыпин, Этнография I, 267.

¹⁶ Зап. Геогр. общ. Кн. 1–2. Изд. 2-е, СПб., 1849.

¹⁷ E. Kunik, Die Berufung d. Schwedischen Rodsen durch d. Finnen u. Slaven. St.-Ptg. 1844–45.

нославянская ветвь. Из Галиции в VII в. вышли сербы и хорваты, но даже при близости их языка к русскому трудно считать их предков людьми русского языка. И во времена Владимира св. жили здесь хорваты, «которых летопись отделяет от господствующего племени русских». Они потом совсем исчезают, и возбужденный норманнами восточнославянский мир занял Галицию, истребив при этом остатки ляхских и других (каких?) ветвей». С основанием в VI в. в Галичине владений Рюриковичей имя Руси должно было здесь особенно укрепиться (почему?). Об угорских русских ничего определенного по источникам неизвестно, но не следует забывать, что они не поднялись до ступени общественно-государственного развития, они и теперь народ первобытный, не имеющий никакого государственного обозначения, а в качестве отдельной славянской племенной ветви они не имеют никакой самостоятельной истории – ни политической, ни культурной. Свое название они должны были заимствовать у чужан. Правда, употребление названия *Orosz* для русских, словаков и мадьяр, но не для сербов и волохов указывает не на южное, а на северное происхождение этого названия, но дело в том, что народ не называет свою страну Русью, а Угорщиной (!!!). «Ввиду тесной связи названий *Русь* и *русин* в язычном и политическом отношении в России, а также в Галиции можно бы ожидать, что и почва, на которой якобы родились эти названия, будет называться Русь, но Русь для нее чужая страна – за горами по преимуществу Галиция; и только славянские этнографы нашего времени ввели в употребление термин “Угорская Русь”. Возможно, впрочем, что этот термин существовал и прежде»...

Русские епископы в Угрии титуловали себя «епископами Мукачевскими, Ужгородскими, Пряшевскими, Маковицкими и всех угорских русских», но за недостатком письменных данных нельзя установить времени возникновения такого титула. Так как, однако, в титуле соединяется «финское словоупотребление с греческим способом выражения», то ясно, что он обязан влиянию русской церкви на закарпатские области. «Как шло это влияние – это вопрос, подлежащий разъяснению местных русских или мадьяр». Во всяком случае, «имя Руси за Карпатами имеет более церковный, чем политически-национальный смысл, в основе его не лежит живая Русь, ибо за Карпатами не было никогда русского государства. Нельзя допустить, чтобы русская ветвь простиралась в домадьярские времена до Дуная, а, следовательно, названия, связанные с именем *Русь* в Угрии и Трансильвании, не могли принадлежать древнейшему времени. Все они ничего не могут говорить против норманства, пока не опровергнуто показание Нестора о заморских русских. Даже существование

живого действительного смысла слова Русь за Карпатами не может ничего значить, ибо он мог проникнуть туда позже»¹⁸.

Так же точно расправляется Куник со следами названия Руси в «Великой Моравии» (почему-то отделяя ее от Руси Карпатской) и в Прикавказье.

Одним словом, все места, где прозвучивало имя Руси, кроме скандинавского севера, признаны не относящимися к делу и, в отличие от истинной скандинавской Руси, названы «псевдорусью». Оценивать взгляды почтенного академика с точки зрения современных данных было бы большой несправедливостью: со времени выхода в свет «Родзов» прошло больше полувека. Но следует заметить, что и в 1844 г. нельзя было говорить о племенной отдельности угорских русских от остального русского мира. Их племенное единство было прямо засвидетельствовано Срезневским¹⁹. Нельзя было говорить, что летопись отделяет карпатских хорватов от остальных русских колен, ибо летопись говорить прямо: «и живяху в мире поляне и деревляне, и север, и радимичи, и вятичи, и хорвате». Наконец, уж никак нельзя было говорить об исчезновении племени. Очевидно также, что если сам Куник признавал неясность некоторых вопросов, связанных с Угорской Русью, и предоставлял разрешение их будущему, то он должен был воздержаться от решительных заключений, тем более что неясности были не только здесь, но и на огромном пространстве русского юга. Исследование Куника представляет, очевидно, особого рода научный труд, где материал привлекается не для рассмотрения и оценки его по существу, а лишь для формального заполнения рамки. Внимательное чтение глав куниковского исследования о «псевдоруси», собственно говоря, должно было возбуждать вопросы. Вопросы эти должны были стать еще назойливее при статьях Срезневского и Надеждина. Нужно, однако, принять во внимание, что труд Куника представлял цельное исследование с несомненно высокой книжной ученостью, а статьи Надеждина были просто статьи, которые спокойно можно было назвать «талантливыми» – не больше; нужно взять в расчет, что и в науке, как и везде в жизни, известное значение имеет инерция, а Куник оставался на старой протоптанной дороге на север – тогда станет отчасти понят-

¹⁸ Е. Kunik, Beruf. Gl. V–VI.

¹⁹ ЖМНП. 1843, II: ужгородские «русины в полном смысле слова родные братья малороссиян, однокровные дети старой Руси по народности и большей частью по самым воспоминаниям. Отсюда на север и восток, а отчасти и на юг простираются они в Галицию и Буковину...» Как пользовался Куник статьей Срезневского, см. Ламанский, «Славяне в Малой Азии», прилож. II; ср. также мою «Угорскую Русь», Варш. унив. изв. 1894, V, стр. 6–9.

на полная победа его взглядов. Идеи Надеждина остались только с Надеждиным, может быть, со Срезневским, которому карпаторусский мир был несколько знаком, и который свое уважение к Надеждину как «светочу» русской ученой мысли открыто засвидетельствовал в поминальной речи в Географическом обществе 27 янв. 1856 г. Больше ни для кого Карпатская Русь не была интересной. Тем не менее мысль о ней возродилась очень скоро.

Ее поднял в 1859 г. В.И. Ламанский в одном из приложений к исследованию «О славянах в Малой Азии...». Приведя несколько соображений в опровержение взглядов Э. Куника, Ламанский заметил, между прочим, относительно Карпатской Руси, что «пока не будет положительно доказано, что венгерские русины появились в Венгрии в XIII–XIV в., а не гораздо раньше, до тех пор эта Russia или не должна быть считана за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причислена к той же псевдо-Руси». Это замечание имеет важное значение в истории занимающего нас вопроса. Оно стоит в прямой связи с замечанием о русском элементе на Дунае и на всем русском юге, следовательно, на том широком пространстве, как и у Надеждина. Ламанский привел много фактов, доказывающих значительную роль этого элемента преимущественно в XIII–XIV вв., много указаний, что роль эта восходит к временам гораздо более ранним. Даже при отсутствии хронологической перспективы ряд этих фактов действует неотразимо²⁰.

Исследование Ламанского стоит на грани не прекращавшейся борьбы русской мысли с норманизмом и полного торжества последнего, особенно в течение всего шестого десятка нашего века, и не только у нас, но и в той части русского мира, которая уже по одному своему географическому положению и отношениям к остальной Руси была живым протестом против норманской теории.

Еще в 1852 г. Д. Зубрицкий считал «неимоверным, чтобы от трех князей пришельцев и от их дружины столько больших или мень-

²⁰ Сочинение Ламанского произвело сильное впечатление, между прочим, на Погодина. Характерно, что Погодин совсем и не заметил Карпатско-Дунайской Руси в исследовании Ламанского, хотя благодаря ему внес весьма существенный компромисс в свою теорию, признав смешанность элементов среди призванных «норманнов». Еще интереснее, что Погодин без колебаний склонен был допустить первоначальное заселение датских островов славянами. (Р. Беседа, 1859, V).

Собственно говоря, погодинский компромисс совершенно подрывал основы норманизма. На место теории более или менее определенной ставилось гадание, в пользу которого можно было принести один текст Гельмольда, текст – следует прибавить – требующий разъяснения. Тем не менее компромисс получил полное признание. Ср. Куник, Каспий, 447 слл.

ших славянских племен и на столь обширном пространстве земли название свое заимствовало». Сомнения основывались, между прочим, на том, что «в закарпатских странах, в Венгрии, никогда не господствовали варяги, а жители тамошние и всегда назывались, и теперь называются русами»²¹.

Но уже в 1865 г. А. Петрушевич в объяснение названия Карпатской Руси указывал на «германских» ругов. Эти «руги», конечно, не вносили никакого света в вопрос о Карпатской Руси, но, во всяком случае, сделана была характерная попытка закрепить термин Куника – «псевдорусы» – за русским Подкарпатьем²².

В течение 60-х годов норманизм, хотя и не чистый, а в форме компромисса, царил у нас неограниченно. Карпатская Русь никого не смущала. Но в 71 году, т. е. как раз тогда, когда русская наука совсем забыла идеи Надеждина²³, немецкий ученый Эслер снова напомнил о Карпатской Руси. Указав на русский характер географической номенклатуры Молдавии и Трансильвании, причем многие из названий, в частности названия от корня *рус*, встречаются в документах половины XII в., Эслер в то же время указал и на общее географическое положение карпаторусской территории, представляющей лишь окраину сплошного русского мира в Галиции и остальной России²⁴. Вопрос о Карпатской Руси, выдвинутый Надеждиным, опять, таким образом, был поставлен в науке в той же самой форме.

Вскоре затем появились отчеты о занятиях за границей А.А. Кочубинского, где довольно ярко указывались многоразличные задачи, предстоящие русской науке на Карпатах²⁵. Наконец, со взглядами Кочубинского на древность русского племени на Карпато-Дунайской территории отчасти согласился и Ф.И. Успенский²⁶.

Таким образом, в 70-х годах опять был выдвинут вопрос о связи Карпато-Дунайской территории с древнейшим периодом нашей исторической жизни. Карпатская территория заняла некоторое место в «Очерках русской исторической географии» Н.П. Барсова и особенно в статьях В.О. Ключевского, посвященных уяснению вопроса о возникновении того склада русской жизни, какой открывается в не подлежащих сомнению древнейших наших исторических памятниках²⁷.

²¹ Зубрицкий, История I, 121, пр. 15.

²² Петрушевич, О паннонских ругах или псевдорусах, Наук. сборн. 1865.

²³ В.Г. Васильевский, Византия и Печенеги, ЖМНП. Ч. 164, стр. 303.

²⁴ Romän. Studien, 319.

²⁵ Зап. Новор. ун., XIII, XVIII, XX.

²⁶ Образование Втор. Болг. царства. Одесса, 1879. Прилож. V.

²⁷ Боярская дума, Р. мысль, 1880.

В 80-х же годах вопрос этот дополняется новыми данными – отчасти благодаря новым открытиям, отчасти благодаря естественному развитию научной мысли. Особенная заслуга в разработке вопроса принадлежит, бесспорно, А.А. Кочубинскому. Он много путешествовал по славянским землям и уже в своих отчетах ярко выдвинул вопросы, связанные с русским племенем на Карпатах – по преимуществу в нынешней Угорской Руси: определил с возможной точностью ее территорию, дал несколько важных намеков на отношения русских к полякам и словакам. Открытая Кочубинским рукопись Пештского музея с песнопениями трансильванских славян²⁸ побудила Миклошича заняться вновь пересмотром вопроса. Миклошич издал рукопись и вместе с тем отказался от прежнего мнения о болгаризме трансильванских славян, признав языки их остатком языка славян дакийских²⁹.

В неоконченной, к сожалению, статье «Славянская рукопись Пештского музея»³⁰ Кочубинский дал несколько интересных указаний на возможность более широкого распространения нынешнего русского элемента в древнейшее время в сторону мадьярского юга, выставил предположение, что «православные мадьяре – это только омадьярившиеся русские, мадьярившиеся незаметно веками», В речи 6 апреля 1885 г. Кочубинский сгруппировал ряд вопросов, связанных с русско-словацким и русско-румынским рубежом. В мастерском сопоставлении данных в древнейших русских памятниках, где с необыкновенной яркостью выступает не только чувство, но и живое сознание славянской общности (летопись), ярко обнаруживаются факты живого взаимообщения (напр., почитание русскими Владимирова времени чешских Вячеслава и Людмилы), наконец, не затертые черты Мефодиева духа в нашей церкви, Кочубинский объединяет Мефодиеву Нитру, нынешний румынский юг и Русь Днепровскую в одно органическое целое. Эту речь Кочубинского³¹ нельзя не поставить наряду с знаменитыми речами Надеждина. Наконец, на Ярославском съезде (1887) Кочубинский представил соображения о «дунайском Залесье». Отметив теперешний этнографический его характер, Кочубинский останавливается на славянской хоро-и топографии края и славянских же следах деятельности народа, отразившихся в славянских названиях: «окно», «сольник», «баня»; на славянстве относящихся сюда мадьярских терминов, очевидно, заимствованных у славян. Обзор и оценка всего этого материала

²⁸ Зап. Новорос. ун., XX, 126–130.

²⁹ Gesch. d. Lautbezeichnung im Bulgarischen, Denkschr. XXXIV.

³⁰ Р. филол. вестн. 1881, I.

³¹ Добрый пастырь и добрая нива, Одесса, 1885.

приводят Кочубинского к твердому обоснованию существования в дунайском Залесье «не признаваемого историей славянского элемента в такое раннее время, как эпоха прибытия мадьяр и ранее, и элемента не некультурного»³². Анализ данных, заключающихся в грамотах, доказывает, что элемент этот удерживался сравнительно долго, что удерживались даже своеобразные черты общественного славянского строя. Со всем этим вполне гармонируют как указания археологии, так и поздние письменные свидетельства, а многочисленность местных названий от корня *рус* заставляет считать этих славян не чуждыми именно русскому миру.

Своим докладом Кочубинский имел в виду «обратить внимание русских историков на забитую русской наукой русскую стихию в далеком подунайском Залесье в надежде, что совокупными трудами историков и филологов вопрос об имени – "русский" и начальном происхождении имени Русской земли и самого народа получит более естественное разрешение, чем какое дается этому вопросу обыкновенно»³³.

Зимой того же 1887 г. пражский профессор И. Пич получил от г. Амлахера из Трансильвании список чергедских кантилен вместе с описанием (XVII в.) некоторых обрядов чергедских же жителей (Малого Чергеда). Тот же Амлахер извещал затем профессора Пича об открытии в одном из трансильванских сел рукописного немецкого канционала XV–XVI вв. с одновременными славянскими глоссами. Много поработавший в области древней карпатской истории проф. Пич немедленно же откликнулся на возбужденный вопрос. Он высказал следующие положения. Номенклатура Трансильвании свидетельствует, несомненно, о русском характере страны³⁴, а тип населения в Молдавии, Валахии и долинах Трансильвании отличается от южнославянского и вполне отвечает русскому типу Галичины и Угорской Руси («высокая жилистая фигура, русые волосы и борода, голубые глаза, продолговатое лицо»). На основании этого можно считать дакийских славян западной ветвью южнорусского племени, говор которой, однако, отличался ринезмом и особенным сочетанием согласных³⁵.

³² Труды VII Археол. съезда, II, 24.

³³ Труды VII Археол. съезда, II, 66.

³⁴ К исследованию приложена карта, наглядно представляющая распространение названий от корня *рус*–.

³⁵ Dr. I. L. Pic, Die Dacischen Slaven. Sitzungsber, d. k. böhm. Gesellsch. d. Wissenech., Prag, 1888.

Вот краткий обзор главнейших трудов, имеющих отношение к занимающему нас вопросу³⁶.

Из этого обзора оказывается: 1) вопрос о Карпатской Руси так же стар в науке, как и теория норманская; 2) он возбуждался несомненным фактом существования с древнейших времен славяно-русского племени на Карпатах и за Карпатами; 3) этот факт не подлежал никакому сомнению для старых угорских ученых (прошлого века); новейшие ученые (Кочубинский, Пич) подтвердили его документальными данными.

Но остается вопросом связь Руси Карпатской с остальным русским миром, точнее, остается вопросом теперь уже бесспорный факт существования своеобразной по языку, но, несомненно, славянской Руси рядом с русским морем на севере и востоке, славянским морем на западе и юге от нее. Дело, очевидно, не в одной лишь так наз. Угорской Руси, а в целой полосе Южного Покарпаття, теперь уже румынского, но не потерявшего и ныне славянского, даже русского (по названиям от корня *рус*) характера в номенклатуре, да и в других отношениях представляющего немало загадочного.

Имеют ли древние судьбы этого немалого края отношение к древней истории русского племени или нет? Вопрос этот для русской науки имеет совсем особенный интерес сравнительно с румынской и мадьярской. Для румын и мадьяр этот благодатный край представляет залог будущего. Румыны мечтают о целокупной «*patria Romana*», долженствующей охватить весь нынешний состав румынской территории. Мадьяре мечтают о целокупном «Мадьярорсаге», в котором должно быть омадьярено все, что исторические права предоставляют короне св. Стефана. Для русских с этим связаны лишь чисто теоретические вопросы о прошлых судьбах русского племени, о его взаимоотношениях и связях.

Исследователь русской исторической древности на Карпатах окажется очень близким к тем местам, о которых рассказывает летописная повесть о начале Руси, – к земле угорской и болгарской; к той реке, которую помнит русский народ в своих песнях, название которой он превратил в нарицательное имя – к Дунаю; к тем центрам, с которыми связано духовное просвещение Руси, к тем, наконец, окраинам русского мира, которые не могут не изумлять неиссякаемостью сил своего русского духа. Но со всеми этими местами связаны темные предания не одного лишь русского вида, а всего славянского рода.

³⁶ Краткое обозрение вопроса было сообщено мной на IX Арх. съезде. Варш. унив. изв. 1894, V.

Какую роль в общем-славянском играет частное-русское? Какую роль в русском роде играют отдельные его виды? Вот вопрос! Какой ответ дает на него наша историческая наука? Никакого. Она отсылает исследователя к филологии, ибо доселешнее состояние нашей археологии и этнографии исключает возможность серьезно привлекать их к ответу. Но и филология представит немного утешительного. И она еще, по-видимому, не справилась с вопросами, какие возбуждаются сев.-вост. и зап. окраинами южнорусского наречия³⁷.

Таким образом, исследователь древнерусской жизни на Карпатах прежде всего осязательно чувствует полное отсутствие связи в нашей науке между историей славяно-русского вида и славянского рода, чувствует шаткость научной постановки вопросов даже о взаимоотношениях отдельных частей русского вида, чувствует изолированность своего положения в общем ходе развитая науки, так как неоднократные, как мы видели, ее указания на русский юго-запад и вообще славянский юг представляются, однако, крайне отрывочными и случайными³⁸. Вопрос о началах русской жизни шел в нашей науке, как известно, совсем другими путями. Карпаты предложат исследователю целый ряд вопросов, весьма далеких от тех, на которые обыкновенно до сих пор обращалось внимание. Исследователь карпатской древности не только не избегнет опасности встретиться с теми чудовищами, какие угрожают исследователям, выбирающим другие пункты, – скифами, сарматами, роксоланами, хазарами; не только окажется окруженным не менее страшными сфинксами – даками, фраками; но перед ним во всей грозе станут вопросы славянской древности, возбуждающие, особенно в последнее время, столько тяжелых недоумений. В частности, вопросы об отношениях частей русского вида остаются все еще открытыми; связь русского вида с славянским родом точно не установлена. По особым обстоятельствам развития нашей науки – слишком хорошо известным, чтобы о них здесь распространяться – наша наука совершенно уклонилась от того вопроса, который ставит ей прямо главнейший

³⁷ А. И. Соболевский, Чтен. в общ. Нестора, II, 215; его же Очерки, 68 и Отзыв о моей «Угорской Руси», Жив. стар. 1894, III – IV.

³⁸ Сравнительно большей известностью пользовался у нас вопрос о россизме Южной Руси, поднятый Погодиным, вернее, Венелиным. Спор между южанами и северянами насчет их россизма, Чтен. М. общ. 1847, IV, но статья написана в 30-х годах. Вопрос этот считается теперь вообще решенным: Грушевский, Киевск. з., 427 слл. Напрасно! Конечно, постановка Погодина теперь уже невозможна, но многие, даже существенные подробности и теперь неясны. Вопрос будет существовать до тех пор, пока не будет обследована история обоих склонов гор.

ее источник – летопись, начинающая историю славяно-русского вида указанием на разделение рода. Вместо научного расследования этого показания нашего главного источника мы предпочли ограничиваться общими замечаниями о славянах в виде введения к истории русских славян. Такое введение, естественно, оказывалось или лишь пристегнутым³⁹, или, ввиду явной его несущественности, сокращалось до 1 $\frac{1}{2}$ странички (Соловьев), или, наконец, совсем отбрасывалось (Иловайский). Мы искали Русь с напряжением и самопожертвованием, но в результате длинного и усиленного труда оказалось то безвыходное положение, которое так ярко представил Гедеонов в предисловии к «Варягам и Руси». Многие в его замечаниях сохраняет полную силу и теперь. Оставляя в стороне поморскую школу, можно сказать, что главное наклонение современной русской исторической науки в вопросах нашей древности обращено на юг. Карпато-Дунайской Руси в этом случае не миновать. До сих пор, однако, нет труда, который бы на ней сосредоточился. Мы имеем множество статей, относящихся к отдельным частям Карпатской Руси; некоторые из них (напр. отмеченные выше) весьма замечательны, но они ставят и затрагивают лишь отдельные вопросы, ни малейше не исчерпывая их; остальные или не имеют никакого значения, или являются наглядным доказательством, до какой степени наши сведения о древнейшей истории Карпатской Руси и ее отношениях к русскому миру скудны, неточны и сбивчивы⁴⁰.

Всеми указанными обстоятельствами и определяется задача настоящего исследования. Оно имеет в виду посильное восполнение чувствительного в нашей исторической науке пробела: уяснение вопроса о территории, этнографическом составе и связи Руси Карпатской с остальным русским миром, с одной стороны; указание ее отношений к славянскому роду – с другой.

Понятно, настоящее исследование представляет лишь опыт разработки указанных вопросов. На полную разработку их можно будет рассчитывать еще не скоро. До сих пор мы держалась вообще

³⁹ При этом не обходилось без характерных фактов. Карамзин, напр., последовал за Гебгарди. Какое впечатление произвело это в славянской науке, см. у Суворецкого: *Dziela*, 481 пр. 2. Как смотрел Шафарик на наше отношение к древности см. *Древн.* II, 1, 239. Исключение представляет лишь «Русская история» К. Н. Бестужева-Рюмина.

⁴⁰ Об объеме так называемой литературы предмета можно судить по тому, что перечень трудов, относящихся к одной лишь Буковине, т. е., пожалуй, наименее обработанной области, составляет целую брошюру, *Repertorium d. landeskundl. Literatur d. Bukovina v. Dr. Joh. Polek, Czernowitz*, 1892.

слишком далеко от Карпат, и потому у нас почти совсем не тронут материал, необходимый для решения вопросов о Карпатской земле. Наши этнография и археология возвращаются и поныне преимущественно в областях финских, разработка географической номенклатуры у нас и не начата, а об архивных поисках в пределах Австро-Угрии, Румынии и на Балканском полуострове для русской истории у нас и вопроса не возникало; хотя поездки Венелина в 1830 году (Влахо-болгарские грамоты), Надеждина в 40-х годах могли бы указать на значение таких поисков. То, что найдется инде, так разбросано, что собрать существующий материал весьма нелегко. Кроме того, и в том, что имеется в трудах наших соседей – поляков, мадьяр, румын, цели и задачи исследователей вовсе не заключаются в постановке и обследовании вопросов, связанных с русским племенем. Это отвлекает внимание исследователя по сторонам, заставляет его много раз терять нить и почти безнадежно опускать руки... Одним словом, научные вопросы, связанные с Карпатами, так широки, запутаны, так скуден относящийся к ним материал, так он при всей своей скудости неясен и критически не разработан, что разве только будущему удастся рассеять туман, окутывающий древность Карпат непроглядной мглой. Разработка карпатских вопросов составляет насущную необходимость русской науки, ибо они, как красная нить, тянутся в истории русской научной мысли и жизни через длинный ряд веков. Но на этой ниве еще долго одно поколение русских ученых будет соревновать с другим. Будущее – дай Бог, не особенно отдаленное! – прольет, без сомнения, полный свет на затронутые в настоящем исследовании вопросы... но собирание материала бесконечно, а для научного движения необходимы попытки сводить существующие данные.

Источник: Филевич И.П. Задача и метод исследования (I) / История Древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава. Тип. Ф. Чернака, 1896. С. 1–24.

Source: Filevich, I.P. (1896) The Objective and Method of Research (I) / Istoriya Drevney Rusi [History of Ancient Rus]. Vol. 1. Territoriya i naselenie [Territory and Population]. Warsaw: v Tip. F. Chernaka. pp. 1–24

Филевич Иван Порфирьевич (1856–1913) – русский историк и публицист. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, преподавал русский язык и историю в разных учебных заведениях. В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» и был направлен в Императорский Варшавский университет экстраординарным профессором на кафедру русской истории. Дважды ездил в командировку в Австро-Венгрию, где изучал сведения о русском (русинском) населении Венгрии и Трансильвании. Материал, собранный во время поездок, послужил основой для докторской диссертации. Положения, извлеченные из диссертации, были опубликованы в его монографии «История Древней Руси. Т. I. Территория и население» (Варшава, 1896). Он занялся сводом материала для полного очерка истории Карпатской Руси. В 1902 г. начал издавать «Обзор новейшего периода галицко-русской жизни. 1772–1900».

Ivan Porfirievich Filevich (1856–1913) was a Russian historian and journalist. He graduated from the Faculty of History and Philology of St. Petersburg University, taught Russian and Russian history in different educational institutions. In 1890 he defended his master's thesis "The Struggle Between Poland and Lithuania-Rus' for the Galicia-Vladimir Heritage" and was sent to the Imperial University of Warsaw to work as an extraordinary professor at the Department of Russian History. Filevich went to Austria-Hungary twice. There he studied information about the Russian (Rusin) population of Hungary and Transylvania. The material he collected during his trips was the basis for his doctoral dissertation. Theses from his dissertation were published in his monograph "History of Ancient Rus. Vol. I. Territory and Population" (Warsaw, 1896). He started compiling materials for a complete essay on the history of Carpathian Rus'. In 1902 he began publishing "Obzor noveyshego perioda galitsko-russkoy zhizni. 1772–1900" [Overview of the Latest Period of the Galician-Russian Life. 1772–1900].